

РИМСКО-БОСПОРСКИЙ КОНФЛИКТ 40-Х ГОДОВ I В. Н.Э.

С конца I в. до н.э. Боспор прочно вошел в сферу влияния Римской империи, которая была заинтересована в сохранении его как вассального государства, способного контролировать военно-политическую обстановку в Северном Причерноморье и на границах ближайших к нему провинций. На протяжении последующих двух с половиной столетий единственная попытка изменить эту ситуацию и выйти из-под власти Рима была связана с правлением царя Митридата VIII, когда в 45–49 гг. большая часть подвластных ему и сопредельных земель оказалась охвачена войной с римлянами. Эти события, существенно повлиявшие на военно-политическую ситуацию в Причерноморье, неоднократно привлекали внимание исследователей¹, правда, без детального анализа ситуации². Это побуждает нас попытаться еще раз рассмотреть данную проблему в связи с теми сведениями, которые могут пролить дополнительный свет на взаимоотношения Боспора и Рима в 40-х годах I в. н.э.

В предшествующий период при царе Аспурге (10/11–37/38 гг. н.э.) эти отношения, судя по его титулатуре, строились на основе договора о дружбе с Римом (*amicitia*)³. При вступлении на престол нового царя такого рода договор требовал обновления и подтверждения полномочий очередного властителя. Аспург ушел из жизни в сложный момент смены власти в самом Риме, когда после смерти Тиберия она досталась

¹ См., например: *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.–Л., 1949. С. 326–328; *он же.* История античных государств Северного Причерноморья // АГСП. С. 129; *Каллистов Д.П.* Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1952. С. 228; *Блаватский В.Д.* О римских войсках на Таврическом полуострове в I в. н.э. // Античная археология и история. М., 1985. С. 228; *Цветаева Г.А.* Боспор и Рим. М., 1980. С. 16; *Шукин М.Б.* На рубеже эр. СПб., 1994. С. 205–206; *Зубарь В.М.* Северный Понт и Римская империя. Киев, 1998. С. 31–35.

² Наиболее полно они освещены только в одной монографии: *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002. С. 243–259.

³ *Надэль Б.* Боспорская надпись IOSPE II. 33 // ВДИ. 1948. № 3. С. 212; *Braund D.* Rome and the Friendly King. L.–N.Y., 1984. P. 106; *Сапрыкин.* Боспорское царство... С. 161.

Калигуле. Это обстоятельство получило отражение в монетных выпусках царя, где на золоте 334 г. босп. эры = 37/38 г. продолжали помещать портрет умершего Тиберия, а на медных ассах чеканили голову Калигулы с обозначением его полного имени⁴.

Преемственность боспорской династии была вполне обеспечена наличием у Аспурга двух сыновей – Митридата и Котиса. Последний из них был тогда еще слишком юн, зато другой, вскоре развернувший бурную политическую деятельность, вполне мог принять бразды правления. Тем не менее, данные нумизматики свидетельствуют о том, что контроль над царством, по крайней мере на полтора года, перешел не к наследнику по прямой линии, а к вдове Аспурга, представительнице фракийского царского дома – Гепеирии⁵. Присутствие на аверсе ее золотых статов портрета Тиберия говорит о том, что решение вопроса о власти на Боспоре новым императором затянулось. Можно высказать предположение, что такая ситуация стала возможной только в условиях отсутствия молодого Митридата на родине. Мы знаем о стремлении Тиберия и его преемников держать руку на пульсе событий в понтийском регионе. Верность тамошних вассальных правителей должна была обеспечиваться пребыванием в Риме их наследников фактически в качестве заложников, призванных в будущем стать проводниками римской политики на подвластной им территории⁶. В отношении совоспитанников Калигулы – Реметалка III, Котиса IV и Полемона II⁷ это известно точно, но вряд ли в данном отношении был обойден вниманием Боспор, такой важный для империи стратегический район. Ведь личные симпатии императора во многом определяли судьбы царств и народов⁸. Не исключено, что и молодой Митридат был вынужден провести в Риме довольно продолжительное время. На эту мысль наводит использование глагола «вернулся» в словах царя, обращенных позднее к императору Клавдию: «Non sum remissus ad te, sed reversus...» (Tac. Ann. XII. 21)⁹. Скорее всего судьба боспорского трона была определена одновременно с решениями, вынесенными в 38 г. в отношении ряда зависимых восточных государств¹⁰: Агриппа стал правителем двух тетрархий, а затем и царем Иудеи (Jos. Fl. Ant. Jud. XVIII. 6. 10); по соседству была образована Иудейская Аравия, а царская власть над ней дарована Соэму; Антиоху Коммагенскому вернули владения его отца (Suet. Calig. 16); Реметалку III достался фракийский престол, Котису IV – Малая Армения, а наследственный домен в Понте получил Полемон II (Dio Cass. LIX. 12. 2)¹¹.

Видимо, после некоторых колебаний права на боспорский трон официально были утверждены за Митридатом VIII. В пользу этого свидетельствует помещение на аверсе его золотых статов 39–41 гг. изображения правящего императора. Несомненно, молодой царь на первых порах должен был рьяно демонстрировать лояльность своему благодетелю, и поддерживать все пропагандистские акции, которыми так богато правление Калигулы. В этом отношении он вряд ли отличался от других вассальных царей и правителей, воздвигавших в честь императора алтари и статуи (ср. Jos. Fl. Ant.

⁴ Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 95. Табл. 12, 317, 320.

⁵ О различных точках зрения на причины ее прихода к власти см. Сапрыкин. Боспорское царство... С. 242 сл. В любом случае ссылки на то, что Митридат в 37 г. еще не достиг совершеннолетия и поэтому не мог получить царскую власть, уязвимы, так как «неопытный по молодости лет» Котис получил ее без всяких затруднений (Tac. XII. 15).

⁶ Вряд ли в отношении этой практики делались какие-либо исключения. Ведь даже облаканный Калигулой и Клавдием иудейский царь Агриппа I был вынужден отправить своего сына на воспитание при императорском дворе (Jos. Fl. Ant. Jud. XIX. 9. 2).

⁷ Орешников А.В. К нумизматике преемников Аспурга // ИРАИМК. 1921. Т. 1. С. 3.

⁸ Braund. Op. cit. P. 58.

⁹ Дьячков С.В. Римские граждане в Северном Причерноморье // Античный мир. Византия. Харьков, 1997. С. 62.

¹⁰ Голубцова Е.С. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1951. С. 125 сл.

¹¹ Т. Рейнак убедительно доказал, что это произошло в октябре 38 г. Относительно родства этого царя с Полемоном I и критики взглядов сторонников того, что ему был передан и Боспор, а также якобы предпринятых им военных действий, см. Сапрыкин. Боспорское царство... С. 238–239.

Jud. XVIII. 8. 1). Это касается прежде всего требований самого Калигулы божественных почестей ему самому и установления культа некоторых членов императорской семьи¹². В частности, Светоний сообщает, что он учредил ежегодные поминальные обряды и цирковые игры в честь покойной матери, на которых изображение Агриппины Старшей везли на специальной колеснице (Calig. 15). Этим молодой принцепс пытался склонить общественное мнение в свою пользу, подчеркивая легальность собственной власти, поскольку был кровно связан с Августом через свою мать, его внучку. Очевидно, в данном случае обожевленная мать императора (как и ее дочери) могла быть представлена в образе Фортуны с рогом изобилия в руках на монетах Калигулы¹³.

Не исключено, что отражением нововведений такого рода в культовой практике Боспора является единственное для местной погребальной живописи изображение Тюхе-Фортуны с рогом изобилия и рулевым веслом на темно-коричневом пьедестале в пантикапейском склепе 1891 г. Дату сооружения этого склепа, предложенную М.И. Ростовцевым, – не позднее середины I в. н.э. – подкрепляет находка «в земле, наполнявшей вход в катакомбу», монеты Митридата VIII¹⁴. Склеп принадлежал представителю верхушки столичного общества, возможно, выходцу из аспургиан, ставших военной опорой династии боспорских Тибериев Юлиев¹⁵. Среди аспургиан образ Фортуны мог иметь особую популярность из-за ассоциации с иранским божеством Hvareno (воплощения понятия «фарн»), олицетворением счастья, судьбы¹⁶. Обращает на себя внимание и уникальная терракотовая статуя I в. н.э., обломки которой были обнаружены в некрополе Илурата¹⁷. Глина терракоты боспорская, но форма, в которой она была изготовлена, явно не местного происхождения. При совпадении ряда деталей со статуарными образами, восходящими к раннеимператорскому времени¹⁸, ее можно атрибутировать как изображение Фортуны. Учитывая быструю смену женской моды в Риме, прическа с вьющимися, уложенными на пробор волосами и двумя длинными волнистыми локонами по обе стороны шеи позволяет с определенной долей вероятности отнести оригинал, послуживший моделью для коропласта, к числу изображений обожевленной Агриппины Старшей, так как она запечатлена только на ее скульптурных портретах¹⁹. Такие официальные

¹² Trillmich W. Familienpropaganda der Kaiser Caligula und Claudius. В., 1988. S. 173 ff.; Bumett A. The Coinage of King Agrippa I of Judaea and a New Coin of King Herod of Chalkis // *Melanges de Numismatique offerts à Pierre Bastien*. Wetteren, 1987. P. 29–30.

¹³ Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995. С. 375. Рис. 52; Wood S. Memorial Agrippina, Agrippina the Elder in Julio-Claudian Art and Propaganda // *AJA*. 1988. 92. № 3. P. 409 ff.; *idem*. Diva Drusilla Panthea and the Sisters of Caligula // *AJA*. 1995. 99. № 3. P. 458. Fig. 1.

¹⁴ АДЖ. С. 195, 198.

¹⁵ Не вдаваясь в дискуссию, отметим, что, на наш взгляд, аспургиане скорее всего являлись выходцами из сарматской кочевой среды, размещенными столетием ранее в роли своего рода военных поселенцев на территории между Фанагорией и Горгиппией для защиты восточных рубежей государства. См. Сапрыкин. Боспорское царство... С. 202 сл. Основную библиографию вопроса см. Сапрыкин С.Ю. Аспургиане // *СА*. 1985. № 2. С. 75–78.

¹⁶ См. Сокольский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М. 1975. С. 40, 104. Рис. 31; Яценко С.А. Антропоморфные образы в искусстве ираноязычных народов Сарматии II–I вв. до н.э. // *Stratum plus*. 2000. № 4. С. 260. Ср. роль Тюхе в качестве богини, освящающей царскую власть, в парфянской нумизматике: Варданян Р.Е. Парфянская инвеститура (по нумизматическим данным) // *Древние культуры Евразии и античная цивилизация*. Тез. докл. конф. Л., 1983. С. 20.

¹⁷ Кубланов М.М., Хршановский В.А. Некрополь Илурата: раскопки 1984–1988 гг. // *Проблемы религиоведения и атеизма в музеях*. Л., 1989. С. 18–20. Рис. 6; Горончаровский В.А. Терракотовая статуя женского божества из раскопок некрополя Илурата: Афродита или Фортуна? // *ΣΥΣΤΙΤΑ*. СПб., 2001. С. 255–257.

¹⁸ *Ametung W.* Die Sculpturen des Vaticanischen Museums. В., 1903. Bd I. S. 79. Taf. 9, 59; S. 101–103. Taf. 13, 86.

¹⁹ *West R.* Römische Porträtplastik. München, 1933. Bd I. Taf. XLV, 191. На скульптурных бюстах дочери Агриппины Старшей, Друзиллы упомянутые локоны уже либо закручены в тугую спираль, либо перевязаны в нескольких местах по горизонтали: *Wood*. *Op. cit.* P. 470–474. Fig. 15–23.

изображения могли копироваться, в том числе и средствами коропластики, для провинций и знати вассальных государств. Судя по всему, на короткий период производства такой продукции было налажено и на Боспоре²⁰.

Видимо, уже тогда у Митридата VIII, наследника имени великого противника Рима, зрели мысли о более самостоятельной, а в перспективе и независимой политике. Судя по манумиссии 41 г. из Горгииппии (КБН. 1123), с учетом данных рыбничкой надписи²¹, он вводит в свою официальную титулатуру такие элементы, как «друг отечества и друг союзников»²², имевшие патриотический оттенок. Первая часть этой формулы обращена к населению собственного государства, вторая – к силам за его пределами. Видимо, боспорский царь с самого начала делал главную ставку на неограниченные воинские ресурсы соседних варварских племен. Как отражение предпринятых им дипломатических шагов в отношении скифов и тавров можно рассматривать фрагмент серебряной тарелки царицы Гепепирии из Неаполя Скифского²³, а также монеты, отчеканенные в его правление, из святилища на Гурзуфском Седле²⁴. Несомненно, уже тогда среди союзников мятежного царя находилось и могущественное сарматское племя сираков на восточных границах государства. Все это вполне согласуется с историческим опытом, накопленным его предшественниками.

Впрочем, даже убийство Калигулы еще не подвигло Митридата на открытый разрыв с Римом. Клавдий подтвердил его полномочия и даже устранил возможные претензии со стороны понтийского царя Poleмона II, передав ему часть Киликии (Dio Cass. LIX. 12). Посольство в Рим 41/42 г., во главе которого был поставлен младший брат царя, Котис, вероятно, должно было выразить признательность правителя Боспора за оказанные благодеяния. Котис использовал эту поездку в своих интересах. Очевидно, его подталкивала к такому решению оппозиция политике Митридата в лице матери (Dio Cass. LX. 28. 7 = FHG. IV. 185. Fr. 3) и части состоятельных боспорских горожан, не заинтересованных в конфликте с Империей. Насколько серьезными были меры по подготовке к возможной войне с Римом и, следовательно, аргументы Котиса, трудно сказать. При хорошо известной подозрительности Клавдия (Suet. Claud. 37) вызвать его резкую реакцию на действия вассальных правителей могло не только накопление оружия (ср. Ios. Fl. Ant. Jud. XVIII. 7. 2), но даже просто усиление крепостных стен (ibid. XIX. 7. 2)²⁵. Так или

²⁰ К ней можно отнести и обломок головы терракоты того же типа и таких же размеров из раскопок городища у с. Михайловка в 2 км от Илурата. См. Петерс Б.Г. Терракоты из городища у с. Михайловка // Терракоты Северного Причерноморья. САИ. 1970. Вып. Г1–11. С. 113. Табл. 53, 1.

²¹ Болтунова А.И. К надписи IOSPE II. 400 // ВДИ. 1954. № 1. С. 176 (если восстановление автора верно).

²² О дискуссии по поводу реконструкции надписи см. Сапрыкин. Боспорское царство... С. 244–246.

²³ Ср. Яценко И.В. Тарелка царицы Гепепирии из Неаполя Скифского // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 101–113 (дипломатический дар царицы на переговорах со скифами); Пуздовский А.Е. Сарматы в Крыму // Проблемы истории Крыма. Симферополь, 1991. Вып. 1. С. 101 (автор допускает, что скифы в это время были независимы, а Митридат VIII предпринял попытку заключить с ними военный союз); Колтухов С.Г. Заметки о военно-политической истории Крымской Скифии // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 1993. С. 218 (зависимые от Боспора скифы выступили на стороне Митридата VIII).

²⁴ Таких монет насчитывается 28 (см. Новиченкова Н.Г. О контактах населения Горного Крыма с Боспором по материалам святилища у перевала Гурзуфское Седло // БС. 1994. № 4. С. 54–55). Впрочем, в число даров Митридата VIII, как показывает клад из Сукко (см. Крушкова Ю.С. Клад времени Митридата УШ // ВДИ. 1978. № 4. С. 61–63), могли входить и присутствовавшие одновременно в обращении монеты Аспурга и Гепепирии – в святилище их соответственно 29 и 7.

²⁵ Со строительной деятельностью Митридата можно предположительно связать возведение на западных подступах к Пантикапею крепости Илурат (Горончаровский В.А. Крепость Илурат: итоги изучения // Боспор Киммерийский. Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002. С. 69) и усиление оборонительных сооружений Китея (Молев Е.А. Археологические исследования Китея в 1970–1983 гг. // Археологические памятники Юго-Восточной Европы. Курск, 1985. С. 55).

иначе, обострение боспоро-римских отношений произошло, что существенно повлияло на монетное дело периода правления Митридата VIII. Вместо оживления выпуска золотых статеров, как это обычно происходило при восшествии на престол нового императора и получении «даров» от него²⁶, чеканка золота после 41/42 г. прекращается, а на реверсе медных монет, по-видимому, именно в это время вместо бюста Гепепирии появляются атрибуты божественных предков боспорских царей – Геракла и Посейдона: лук в колчане, палица, львиная шкура и трезубец²⁷. Официально провозглашенный Митридатом независимый политический курс, судя по тому, что Клавдием еще долго владели «горечь нанесенных ему оскорблений и жажда мести» (Тас. Анн. XII. 20), вполне вероятно, сопровождался рядом антиримских акций, например, демонстративным уничтожением памятников искусства, связанных с представителями династии Юлиев-Клавдиев, подобно тому, как это сделали жители Эфеса со статуями римлян в начале первой Митридатовой войны (Апп. Митр. 21).

Вряд ли ответные действия Рима последовали сразу²⁸, поскольку трудно представить, чтобы какая-то крупная внешнеполитическая акция началась одновременно с вторжением римских легионов в Британию в 43 г. К тому же мы знаем, что один из участников этой военной операции, Авл Дидий Галл, ставший в 44 г. наместником провинции Мезия, возглавил поход на Боспор с целью утверждения там проримски настроенного Котиса. Титул *dux*, с которым он упоминается у Тацита (Анн. XII. 15), предполагает, что из Мезии против Митридата были отправлены военные силы числом не менее легиона²⁹. Возможно, это был переведенный в Мезию в 45 г. VIII Августов легион³⁰. К ним нужно добавить несколько когорт прибывших из Вифинии³¹. Сборным пунктом прибывших морем в Таврику военных сил, видимо, стал Херсонес, всегда тяготившийся зависимостью от Боспора и скорее всего выделивший отряд вспомогательных войск для участия в походе³². Возможно, этому предшествовало упоминаемое в фрагментарной херсонесской надписи (IOSPE I². 369) нападение на город какого-то лица во главе варварского войска. П.О. Карышковский считал, что это мог быть Митридат VIII, тем более что в одной из строк говорится о царе, а в другой восстанавливается имя его союзников сираков³³.

В любом случае переброска армии вторжения и дальнейшие военные действия должны были потребовать привлечения значительного количества военных и транспортных кораблей. Поскольку отдельного *classis Pontica* до 64 г. не существовало³⁴, часть их несомненно была затребована у греческих городов понтийского побережья. В этой связи заслуживает упоминания сообщение Тацита об освобождении на пять лет от податей жителей Византия, потому что они были истощены войнами боспорской и фракийской (Анн. XII. 63).

²⁶ Смекалова Т.Н., Дюков Ю.Л. Монетные сплавы государств Причерноморья. Боспор, Ольвия, Тира. СПб., 2001. С. 94.

²⁷ Анохин. Ук. соч. С. 151. Табл. 12, 330.

²⁸ Сапрыкин. Боспорское царство... С. 250–251 (в качестве даты начала войны предлагает 42 или 43 год).

²⁹ Блаватский. Ук. соч. С. 228. Вегетий (III. 1) отмечал, что во время небольших войн считался достаточным один легион с присоединением к нему вспомогательных отрядов.

³⁰ Ritterling E. *Legio* // RE. 1925. Bd 12. Sp. 1647.

³¹ Считается, что в провинции Вифиния-Понт стояло не менее трех когорт пехоты и вспомогательный конный отряд, не считая вспомогательных когорт из местных уроженцев. См. Зубарь В.М., Шмалько А.В. Римско-боспорская война и Херсонес // Древности Степного Причерноморья и Крыма. С. 227.

³² Кадеев В.И. Херсонес Таврический в первые века н.э. Харьков, 1981. С. 19; Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. Киев, 1994. С. 22.

³³ Карышковский П.О. Об эре Херсонеса Таврического // КС ОГУ и ОГАМ в 1960 г. Одесса, 1961.

³⁴ Starr C.G. *Roman Imperial Navy 31 BC – 324 AD*. N.Y., 1960. P. 125–129; French D.H. *Classis Pontica* // *Epigraphica Anatolica*. 1984. IV. P. 53 ff.

В целом в отношении численности войск, оказавшихся под началом римского полководца, ситуация вряд ли особенно отличалась от той, что сложилась почти за столетие до того, в период вторжения в Малую Азию Фарнака. Мы знаем, что против него выступил один легион, дополненный затем четырьмя легионами, набранными из местных жителей и обученными по римскому образцу³⁵. Кстати, Тацит, повествуя о событиях Боспорской войны, также упоминает «вооруженные римским оружием отряды боспорцев» (Тас. Анн. XII. 15).

Армия Авла Дидия Галла вытеснила Митридата VIII с европейской стороны Боспора, где он, судя по всему, не пользовался всеобщей поддержкой³⁶. Тогда же боспорский царь мог лишиться и флота. По крайней мере одно морское сражение должно было состояться, ведь позднее Митридат произносит фразу о том, что его «...на протяжении стольких лет на суше и *на море* (курсив наш. – В.Г.) преследуют римляне» (Тас. Анн. XII. 18). К сожалению, та часть «Анналов» Тацита, где содержался рассказ о низложении Митридата и воцарении Котиса, была утрачена и конкретный ход войны, вплоть до ее завершающей фазы, может быть реконструирован только приблизительно.

Отчетом о предпринятых в тот период военных действиях мог пользоваться Плиний Старший при написании своей «Естественной истории», поскольку он прямо указывает, что при исчислении расстояний между городами и поселениями Боспора дает «размеры, определенные в наше время, когда даже в самом Киммерийском устье велась война» (Plin. NH. VI. 3). М.В. Скржинская, анализируя приведенную им информацию, отметила достаточно высокую точность ее для европейской части царства и значительно меньшую определенность, неконкретность описания городов азиатской стороны Боспора³⁷. Данное обстоятельство представляется неслучайным³⁸. Вероятно, демонстрация силы оказалась настолько убедительной, что города и ряд зависимых племен на другой стороне пролива поспешили выразить свою покорность Риму. Теперь ничто не мешало получившему боспорский трон Котису начать чеканку золотых статеров, самые ранние из которых датируются 45/46 г.³⁹

Итак, не позднее 46 г. завершается первый этап Боспорской войны, связанный с Авлом Дидием Галлом. Именно в этом году Фракия была преобразована в римскую провинцию, а часть бывшего Одрисского царства вошла в состав провинции Мезия⁴⁰. Такое развитие событий, конечно, требовало присутствия самого легата, которого в 47 г. сменил на этом посту Туллий Гемин⁴¹. Для поддержания спокойствия на Боспоре были оставлены несколько когорт под командованием уроженца Амастрии Гая Юлия Аквилы, а общий контроль был возложен на администрацию провинции Вифиния-Понт, которая вскоре перешла под управление императорского прокуратора⁴².

³⁵ Голубцова. Ук. соч. С. 58.

³⁶ В этом отношении интересную параллель можно провести с историей присоединения к Риму при Тиберии Коммагенского и Киликийского царств, сопровождавшегося внутренней борьбой: «У народов их происходили смуты: большая часть населения (курсив наш. – В.Г.) ждала римского, другая – царского управления» (Тас. Анн. II. 56).

³⁷ Скржинская М.В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977. С. 65–66.

³⁸ О значении, которое придавалось в римской армии точно составленным планам тех местностей, где идет война, см. *Veget.* III. 6.

³⁹ Анохин. Ук. соч. С. 151.

⁴⁰ Златковская Т.Д. Мезия в I и II вв. нашей эры. М., 1951. С. 51.

⁴¹ Сапрыкин. Боспорское царство... С. 250–251.

⁴² Harris B.F. Bithynia: Roman Sovereignty and Survival of Hellenism // ANRW. 1980. Bd 7. Ht 7. P. 878 ff.

В это время Митридат VII (соперник Котиса) в борьбе за власть, скорее всего, находился у своих союзников сираков⁴³. Обращает на себя внимание фраза Тацита применительно к последующим событиям 49 г., в которой говорится, что царь сираков Зорсин «возобновил враждебные к ним (Аквиле и Котису; курсив наш. – В.Г.) отношения» (Ann. XII. 15). Это заставляет предполагать военную поддержку сираками антиримской борьбы Митридата VIII, впрочем непродолжительную. Далее, по словам Тацита, царь «блуждал по разным местам», очевидно, за пределами Сиракены и своих бывших владений. Не исключено, что в конце концов он обосновался в области, которая у Птолемея обозначена как ἡ Μιθριδάτου χώρα (Ptol. V. 8. 23–24). Определенным ориентиром в локализации этой «страны Митридата» и «савроматов», к которым бежал, а возможно даже стал их царем⁴⁴, непримиримый противник римлян, служат указания Плиния Старшего. Со слов самого Митридата, он сообщает, что они живут за сарматским народом епагиритами, обитающими в Кавказских горах недалеко от Питуунта (Plin. NH. VI. 15–16), т.е. речь, видимо, идет о районе среднего течения Кубани.

Дальнейшие действия Митридата VIII фактически укладываются у Тацита в одну фразу: «он принимается возмущать племена и сманивать к себе перебежчиков» (Ann. XII. 15). Очевидно, речь идет о племенах на восточных границах Боспора, которые упоминаются в числе подданных его отца: торетах, тарлетях, псессах и танаитах, а также о связанных с правящей династией аспургианах. После того как под началом Митридата оказалось достаточно большое войско, был предпринят следующий шаг, создавший непосредственную угрозу для римлян и их ставленника: он «прогоняет царя дандариев и захватывает его престол». На волне этих успехов ему удалось вновь привлечь к антиримскому союзу царя сираков Зорсина. В 49 г. создалась ситуация, когда Котис со дня на день мог ожидать вторжения, ведь область дандариев находилась в низовьях Кубани, в непосредственной близости от городских центров азиатского Боспора. Тацит пишет, что молодой боспорский царь и Аквила, «не рассчитывая на свои силы... стали искать поддержки извне и направили послов к Евнону, правившему племенем аорсов». Необходимость союза с ними, очевидно, диктовалась отсутствием у римлян и сторонников Котиса всадников, способных по численности и качеству вооружения противостоять коннице противника.

Конечно, Боспор не остался в стороне от изменений, произошедших к рубежу нашей эры в военном деле кочевников евразийских степей, где возрастает значение нового типа тяжеловооруженной кавалерии – катафрактариев. Помимо тяжелого доспеха для них характерно наличие пики, длинного меча, лука «гуннского» типа и седла усовершенствованной конструкции, обеспечивавшей «глубокую» посадку. Судя по ряду памятников изобразительного искусства, появление катафрактариев на Боспоре можно связать с аспургианами⁴⁵. Скорее всего именно они вплоть до рассматриваемой войны с Римом пополняли боспорскую армию отрядами панцирной конницы в отличие от легкой кавалерии из состава горожан. Действительно, если судить по пантикапейским рельефным надгробиям, относящимся ко времени около рубежа нашей эры, серьезных изменений в вооружении кавалерии и снаряжении

⁴³ Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа // Труды Чечено-Ингушского НИИ. Т. 4. Грозный, 1963. С. 147.

⁴⁴ Яйленко В.П. Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1990. С. 181.

⁴⁵ Горончаровский В.А. Между Империей и варварами: военно-политическая история Боспора на рубеже нашей эры // STRATUM plus. 2000. № 3. С. 229 сл.; он же. Аспургиане и военно-политическая история Боспора на рубеже нашей эры // Таманская старина. Вып. 3. Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н.э.). СПб., 2000. С. 54–58.

верховых коней не наблюдается⁴⁶. Можно предположить, что аспургианская знать, приверженная ориентации на те направления политики, которые были заложены еще Митридатом VI Евпатором, не могла не поддержать продолжателя его дел, новсившего то же имя.

В любом случае становится понятно, почему без поддержки конницы аорсов противники мятежного царя не могли чувствовать себя уверенно перед лицом врага. В том, что аорсы все-таки примкнули к союзу против Митридата, конечно, сыграли свою роль не столько заверения в ничтожности сил мятежника и выгодах союза с Римом, сколько давнее соперничество их с сираками за контроль над предкавказскими степями⁴⁷. После удачного завершения переговоров все было готово к походу⁴⁸, в котором аорсы должны были противостоять вражеской коннице, а римляне заниматься осадой городов.

Тацит следующим образом описывает походный порядок союзной армии (Апп. XII. 15): «Впереди и в тылу находились аорсы, посередине – когорты и вооруженные римским оружием отряды боспорцев». В таком тактическом построении несомненно был учтен военный опыт, накопленный боспорской армией в столкновениях с кочевниками⁴⁹. Вероятно, одним из участников похода 49 г., имевших такой опыт, был Юлий Каллисфен⁵⁰, погребение которого, с набором предметов наступательного и защитного вооружения, находилось в одном из склепов пантикапейского некрополя, открытого в 1894 г.⁵¹ Иначе трудно объяснить наличие на левой руке этого имевшего римское гражданство боспорца золотого перстня с портретом императора Клавдия на аметистовой гемме работы мастера Скилакса, ведущего резчика при дворах Клавдия и Нерона⁵².

Вряд ли Аквила и Котис выступили против основных сил Митридата, оставив у себя в тылу территорию, контролируемую аспургианами. С развернувшимися на их землях военными действиями следует, видимо, связывать разрушение целого ряда укреплений азиатского Боспора: погибшей в огне пожара крепости у ст. Запорожская⁵³, монументального здания на Семибратнем городище, домов-башен около ст. Анапской, на поселениях Цемдолинское и Владимировка близ Новороссийска (древние Баты)⁵⁴. С участием в этой акции аорсов С.Ю. Сапрыкин предположительно

⁴⁶ *Он же*. Боспорская кавалерия времени войны Митридата VIII с Римом в 45–49 гг. // Боспорский феномен. Ч. 2, СПб., 2001. С. 217–221; *он же*. Боспорская кавалерия первых веков н.э. // АΝΑΧΑΡΣΙΣ, ХСб. 2001. Вып. XI. С. 72–85. Ср. *Марти Ю.Ю.* Позднеэллинистические надгробия Боспора как историко-культурный документ // СА. 1941. С. 36, 40. Рис. 7, 11; *Давыдова Л.И.* Боспорские надгробные рельефы. Л., 1990. № 43, 44.

⁴⁷ *Виноградов В.Б.* Ук. соч. С. 161; *Шукин*. Ук. соч. С. 201–202; *Марченко И.И.* Сираки Кубани. Краснодар, 1996. С. 134.

⁴⁸ Относительно пути прибытия на Боспор отрядов аорсов наиболее вероятным представляется, что они проникли в Крым через Перекоп. См. *Мачинский Д.А.* Некоторые проблемы этногеографии восточноевропейских степей во II в. до н.э. – I в. н.э. // АСГЭ. 1974. 16. С. 129.

⁴⁹ Ср. *Arr. Acies* с. Alanos. 1–8, где на марше армии рекомендуется передвигаться одной колонной, в авангарде и арьергарде которой находится кавалерия.

⁵⁰ Имя этого человека говорит о сопричастности к привилегированному социальному слою Боспора. См. *Яйленко В.П.* Материалы по боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1987. С. 109.

⁵¹ *Мацулевич Л.А.* Кто был Каллисфен, названный в надписи, открытой в Керчи в 1894 г. // СА. 1941. VII. С. 61 сл.

⁵² *Неверов О.Я.* Античные инталии. Л., 1976. С. 38. № 131; *он же*. Итальянские геммы в некрополях северопонтийских городов // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979. С. 105.

⁵³ *Сокольский Н.И.* Крепость на городище у хутора Батарейка 1 // СА. 1963. № 1. С. 179 сл.

⁵⁴ *Калашиников М.В.* Новый тип поселений Азиатского Боспора первой половины I в. н.э. // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Киев, 1987. С. 64–65; *Паромов Я.М.* Укрепленные дома азиатского Боспора // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб., 2001. С. 79–84.

связывает погребение воина у пос. Мысхако⁵⁵, датирующееся прекрасной сохранности золотым статером Котиса I чеканки 48/49 г.⁵⁶ Действительно, среди предметов погребального инвентаря обращают на себя внимание характерные для тяжеловооруженного всадника втульчатый наконечник копья с большим ланцетовидным пером (длина 0.46 м) и железный кавалерийский меч длиной 0.95 м (при этом длина рукояти составляет 0.21 м)⁵⁷.

Возможно, война затронула и соседние земли торетов, поскольку среди препятствий, которые преодолели римское и боспорское войско в период кампании 49 г., Тацит упоминает «труднодоступные и высокогорные местности» (Апп. XII. 17). В связи с этим отметим находку в районе Сочи римско-галльского шлема середины I в. н.э.⁵⁸

На пути в страну дандариев римско-боспорская армия успешно провела одно или несколько сражений с войском Митридата VIII. Когда она подошла к городу Созы, царя там вследствие ненадежности его жителей уже не было. Римляне без особого труда овладели городом и оставили здесь свой гарнизон. Теперь военные действия переместились на земли сираков⁵⁹. Поворотным моментом в ходе всей кампании стала осада города Успы, точное местонахождение которого до сих пор неизвестно. Тем не менее, дать хотя бы приблизительную привязку этого населенного пункта к современной карте, на наш взгляд, вполне возможно. Из рассказа Тацита мы знаем, что Успа находилась на возвышенности, за рекой Пандой, в трех днях пути от Танаиса (Апп. XII. 16–17). Конечно, «день пути» расстояние достаточно условное, но по Вегецию (I. 9) скорость движения римских подразделений военным шагом составляла около 5.9 км/час, что при продолжительности дневного марша 8–9 часов дает до 45–50 км в сутки. Таким образом, с учетом крайнего разброса цифр Успа находилась в 135–150 км от дельты Дона. Если сопоставить эти данные с археологической картой Восточного Приазовья, то в указанных пределах оказывается группа городищ по реке Кирпили (Панда?)⁶⁰, а между ней и Доном поселения этого периода вообще отсутствуют⁶¹. К тому же к северу от Кирпили местность, в отличие от более южных равнинных районов, становится пересеченной, с высотными отметками до 50 м. Расположенные здесь городища представляют собой холмы с четко выраженной цитаделью и глубоким ровом.

Главный город сираков, по Тациту, также окружен рвами и стенами, сооруженными не из камня, а из сплетенных прутьев с насыпанной посередине землей. Высота таких оборонительных сооружений, в качестве основы которых использовались турлучные конструкции, вряд ли превышала 4 м⁶². Несмотря на известную примитивность таких укреплений, не рассчитанных на правильную осаду, сходу взять их не удалось. Согласно римской тактике захвата городов, если попытка первого штурма

⁵⁵ Сапрыкин. Боспорское царство... С. 254.

⁵⁶ Онайко Н.А. Погребение воина у поселка Мысхако // КСИА. 1983. № 174. С. 84–85. Рис. 2, 8.

⁵⁷ Там же. С. 83. Рис. 4.

⁵⁸ Сударев Н.И. Две находки римского времени из окрестностей г. Сочи // Древности Северо-Кавказа и Причерноморья. М., 1991. С. 143–145. Рис. 1.

⁵⁹ Видимо, с ними можно связать присутствие в погребальных комплексах на территории Усть-Лабинского района Краснодарского края трофейного навершия римского знамени (Гущина Н.И., Засека И.П. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994. С. 58. № 269) и бронзовой пластины от перекрестья римского меча первой половины I в. н.э. Беглова Е.А., Эрлих В.Р. Деталь римского меча из могильника у ст. Тенгинской // СА. 1998. № 2. С. 173–176).

⁶⁰ М.Б. Шукин также обратил внимание на этот район в связи с событиями Боспорской войны, но он связывает группу городищ у ст. Ново-Джерелиевская с областью дандариев, куда был направлен первый удар Аквилы и аорсов (Ук. соч. С. 206).

⁶¹ Каменецкий И.С. Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 226, 242.

⁶² Ср. реконструкцию подобных сооружений более раннего времени: Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П. Елизаветовское городище на Дону. М., 2000. С. 76, 77. Рис. 13.

не завершилась успехом, начинали развертывать инженерные работы под прикрытием легко вооруженных войск и метательных машин⁶³. Под Успой они заняли лишь часть дня. Город был обложен со всех сторон, но прежде чем пустить в ход высокие башни, которые упоминает Тацит, осаждающие должны были засыпать рвы. Подвижные башни высотой от 15 м сооружались достаточно быстро из заранее подготовленного материала, перевозившегося в обозе. Добившись с их помощью господства над оборонительной стеной Успы, римляне забросали ее защитников пылающими факелами и копьями. Штурм прервало только наступление темноты. На следующий день римляне проникли в город с помощью осадных лестниц, и все закончилось беспощадной резней. Массовое истребление жителей Успы заставило сираков задуматься о том, стоит ли продолжать эту войну. В конце концов Зорсин «...дал заложников и простерся ниц перед изображением Цезаря, что принесло великую славу римскому войску» (Тас. Анн. XII. 17). Интересно отметить, что именно утрата сиракской конницы привела Митридата VIII к капитуляции, что лишний раз подчеркивает значение контингентов союзной варварской кавалерии при ведении масштабной войны на границах Боспора. Бывший царь был вынужден прибегнуть к милосердию вождя аорсов Евнона, который добился от императора согласия не вести пленника в триумфальном шествии и сохранить ему жизнь (Тас. Анн. XII. 19–20). Так завершилась последняя попытка Боспора отстоять независимую от Рима позицию. В конечном итоге она способствовала формированию более взвешенной политики империи по отношению к этому вассальному государству и отказу от постоянного присутствия здесь римских войск.

THE ROMAN-BOSPORAN CONFLICT IN THE 40s AD

V. A. Goroncharovskij

The article deals with the events in the Kingdom of Bosphorus (known from a detailed description by Tacitus) which took place under King Mithradates VIII in AD 39–49. The author thinks that Mithradates VIII was sanctioned as king by the Romans as early as 38/39 AD and was quite loyal to Rome in the beginning, but during Caligula's principate decided to make Bosphorus more independent. In order to bring this idea to life he began to look for support of the local tribes, chiefly of the Sarmatian Syraki. Although Claudius recognized Mithradates' rule as a king, the latter still continued the politics aimed at breaking off from the Empire. This led to a military conflict with Rome, which the author dates to AD 44/45. The alliance of Cotys I and Aquila with Aorsi is explained by the necessity to use the Sarmatian cavalry, which they did not have in their own army.